

Служебники Новгородско-Софийской библиотеки (состав, приписки, записи, пометы)

Рукописные книги Новгородско-Софийской библиотеки, хранящиеся в настоящее время в Государственной публичной библиотеке в Ленинграде в количестве 1575 томов, давно уже изучаются исследователями-лингвистами. Но изучаются преимущественно отдельные, обычно наиболее древние экземпляры — такие, как Путятина минея¹, Пантелеймоново евангелие и некоторые другие памятники XI—XII вв. А между тем в Софийской библиотеке свыше 30 евангелий (включая фрагменты), около 20 томов апостолов, свыше 200 миней, более 500 служебников. И все это в подавляющем большинстве книги XV—XVI вв., написанные или хранившиеся на огромной территории русского Севера — от Белого моря до предгорий Уральского хребта.

Такое большое количество одинаковых по названиям книг, написанных в различных, подчас весьма отдаленных друг от друга местах, дает прежде всего великолепный материал для книжной статистики, которая уже сама по себе должна занять важное место в изучении культуры древней Руси. Многочисленные записи писцов, заказчиков и вкладчиков отражают динамику и направления книжного потока, исходящего из такого важного центра производства рукописной книги, каким был в древней Руси Новгород Великий. Здесь уместно напомнить, что имеющиеся в настоящее время работы по статистике древнерусской

---

¹ Из последних работ см.: В. М. Марков. К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1964.

книги не простираются за пределы XIV в.²; материалы Софийской библиотеки дают возможность продолжить эту работу применительно к трем последующим столетиям.

Рукописные книги Софийской библиотеки используются для изучения истории русского языка и, в частности, его новгородских говоров. Однако при исследовании богослужебных книг принято в большей степени использовать их основной текст, чем посторонние приписки. Лишь недавно появились работы по языку записей и приписок рукописных книг, но они охватывают пока что сравнительно узкий круг источников³. Узость этого круга в значительной степени обусловлена состоянием описания как всех сохранившихся русских рукописных книг в целом, так и их отдельных собраний. Последнее целиком относится и к Софийской библиотеке: лишь в настоящее время в ГПБ заканчивается ее полное описание⁴. При

---

² См.: Н. В. Волков. Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI—XIV вв. и их указатель. СПб., 1897. — Кроме этого, не потерявшего до сих пор своей большой ценности труда, можно назвать современную, но менее убедительную работу: Б. В. Сапунов. Некоторые соображения о древнерусской книжности XI—XIII веков. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л. 1955, стр. 314—332. — Приводимые автором таблицы числа церквей и монастырей на Руси в X—XIII вв., основанные на летописных сведениях, — часто неточных, противоречивых и гиперболизированных — вызывают сомнения. Простое же умножение этого числа на количество необходимых для совершения богослужения в каждой церкви книг совершенно недопустимо. Даже знакомство с сохранившимися позднейшими описаниями монастырских библиотек показывает, что далеко не в каждой церкви при монастыре был полный комплект богослужебных книг.

³ См., например: И. Э. Еселевич. Исследование о языке записей и приписок XI—XVI веков на древнерусских пергаменных рукописях (автореф. канд. дисс.). Казань, 1965.

⁴ Существуют следующие печатные описания Софийской библиотеки: И. К. Курьянов. Обзорные пергаменные рукописи новгородской Софийской библиотеки. «Изв. II отд. АН», т. 6. СПб., 1857, вып. 1, стр. 34—66; вып. 4, стр. 275—319 (описано 87 книг); Ф. Смирнов. Описание рукописных сборников XVI в. новгородской Софийской библиотеки. «Летопись занятий Археологической комиссии». СПб., 1865, вып. 3, стр. 1—106 (описано 25 сборников, поступивших преимущественно из Кирилло-Белозерского монастыря); Д. И. Абрамович. Софийская библиотека, вып. 1, СПб., 1905 (описано 89 книг — евангелия, апостолы, паремийки, псалтыри, апокалипсисы и некоторые другие, в том числе и поздние библейские книги); вып. 2, 1907 (описано 57 четых-миней, прологов и патериков); вып. 3, 1910 (описано 115 патристических и агиографических сборников). — Краткое описание всех пергамен-

Этом учитываются все без исключения приписки, записи и пометы до XVIII в.⁵ Это предоставит исследователям большой и в значительной степени новый, не введенный еще в научный оборот, материал.

В процессе работы по научному описанию Софийской библиотеки возник целый ряд непредвиденных осложнений. Некоторые из них оказались совершенно неожиданными. Таковы в первую очередь трудности определения в целом ряде случаев названий рукописных книг, причем даже тех, которые принято считать стабильными по своему составу и наименованию. Это касается не только «четьих», но и некоторых богослужебных книг, состав которых подчас, при одинаковом названии, далеко не идентичен. С другой стороны, некоторые богослужебные книги разных названий оказались по составу весьма сходными; так, например, не всегда удается четко разграничить служебники и требники. Объяснить это можно только избирательностью репертуара рукописной книги, зависящей от ее читателей; это качество, до сих пор известное лишь по отношению к «четьей» книге, очевидно, в значительной степени было свойственно и богослужебной. Избирательность репертуара была, по-видимому, свойством всей рукописной книжности в целом.

Проследить появление и развитие этой особенности церковных книг лучше всего на материале служебника — одной из распространеннейших богослужебных книг, состав которой не был таким канонически стабильным, как содержание евангелия, апостола, псалтыри, паремейников

ных рукописей см.: Е. Э. Гранстрем. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Л., 1953 (описано 92 Софийских рукописи, включая фрагменты, извлеченные из подклеек переплетов и листы из бумажных книг). — Сведения об описаниях отдельных и небольших групп Софийских рукописных книг в различных изданиях см.: Н. Ф. Бельчиков, Ю. Н. Бегунов, Н. П. Рождественский. Справочник-указатель печатных описаний славяно-русских рукописей. М.—Л., 1963, стр. 104—105.

⁵ Согласно принятой в Отделе рукописей ГПБ инструкции по описанию древнерусской рукописной книги, эти термины употребляются в таких значениях: приписка — дополнение к тексту книги рукой ее писца; записи — тексты различного содержания и объема, сделанные владельцами и читателями книги (среди них особенно важны владельческие и вкладные записи); пометы — краткие и отрывочные сведения о рукописи, не относящиеся ни к писцам, ни к владельцам; особо отмечаются «библиотечные пометы» — о местах хранения книг, их названия и аннотации, данные древнерусскими библиотекарями.

и других богослужебных библейских книг. Состав служебника — книги, необходимой каждому священнику, эволюционировал и расширялся параллельно с усложнением и расширением богослужебного ритуала, который несколько отличался в монастырских и приходских церквях. Порой сельскому церковнослужителю дешевле и проще было переписать или приплести к своему служебнику новый «чин», чем заказывать или покупать новую книгу. Расширение состава служебника шло также за счет включения в него некоторых церковно-канонических текстов, в том числе оригинального происхождения, русских, а главное — за счет увеличения русского патристического и агиографического материала. Все это делает служебник одной из интересных богослужебных книг для историков культуры в самом широком смысле слова, в том числе и для языковедов. Являясь книгой, широко распространенной среди русского сельского духовенства, служебник отразил в себе отдельные черты народного быта и простонародной речи.

При описании служебников следует прежде всего принимать во внимание неустойчивость их названия: в рукописи они иногда называются молитвенниками, а иногда — потребниками⁶. Поэтому для определения служебника и его отличия от требника необходимо каждый раз рассматривать состав каждой рукописи.

Наблюдения над составом служебников Софийской библиотеки дают основание для следующих выводов относительно этого типа книги. «Ядром» ее, непременно присутствующим во всех списках, являются чины трех принятых в православной церкви литургий с предшествующими им чином проскомидии и молитвами, а также чины

---

⁶ Молитвенниками служебники чаще всего называются в их оглавлениях (Соф. 522, 528, 695 и мн. др.), но иногда и в приписке писца, например: «В лѣто 387 мѣца юна КЗ на памѣт пригнаго ѡца нашего Самсона (так!) кончанъ быст сѣи млтвеникъ повелѣнем игѣмена Антона Поустыньскаго» (Соф. 754, л. 165, на первом чистом листе той же рукописи, в скорописной записи XVII в., книга опять названа молитвенником). Рукопись Соф. 837 в скорописной записи 1673 г. на первом чистом листе названа служебником, а в более ранней записи по л. 8—14 — потребником.

В отличие от служебника, содержавшего чины ритуалов, регулярно совершаемых в церкви, требник содержит последования обрядов, преимущественно связанных с рождением, болезнями, смертью, совершавшихся «по потребе» и на дому.

вечерни и утрени. Таков состав большинства старейших Софийских служебников. Однако уже в одном служебнике XIV в. (Соф. 523) переписан чин панихиды, входящий обычно в требник. В двух других служебниках того же времени (Соф. 525, 526) переписаны еще три текста из требника — чины обручения, венчания и крещения. Кроме того, в одном из двух старейших служебников Софийской библиотеки (№ 519, XIII в.) переписаны тексты из минеи (крещенское водоосвящение) и триоди цветной (троицкая вечерня). В софийских служебниках попадаются многочисленные русские церковно-уставные памятники, которых, естественно, не было в греческом или славянском оригинале этой книги. Таковы прежде всего памятники новгородского происхождения — «Вопрощание Кириково», «Исправление» архиеп. Ильи-Иоанна, многие церковно-уставные документы архиеп. Геннадия и его же некоторые богослужебные тексты. Геннадий — один из выдающихся русских книжников и писателей-публицистов конца XV в., создатель первой русской библии, очень заботился об упорядочении и единообразии богослужения. С заботой об улучшении подготовки духовенства (прибыв в Новгород, он ужаснулся безграмотности местных «ставленников» — кандидатов на дьяконские и священнические должности) связаны его «Наказы ставленникам». Все эти тексты в большом количестве попадают в служебниках Софийской библиотеки наравне с оригинальными памятниками Киевской Руси (много в них, например, списков Молитвы Илариона), а также Московского государства (некоторые чины, введенные митр. Киприаном, его «Духовная» и др.).

Идеологическая и политическая борьба между Новгородом и Москвой в XV—XVI вв. нашла отражение не только в литературе и публицистике того времени, которые интенсивно изучаются современными советскими и зарубежными исследователями, но и в богослужебной книге. Отражается это и в распространении в Новгороде почитания московских святых, которое вводилось присылавшимися туда с конца XV в. из Москвы архиепископами (до этого времени новгородцы избирали своего «владыку» сами), в упоминании при богослужении имен московских великих князей и царей с их постепенно усложнявшимся титулованием (упоминание живых или умерших членов царской семьи в богослужебных книгах является, кстати

сказать, одним из датирующих признаков последних, равно как и имена «новых» русских святых) ⁷.

Внутриполитическое положение отразилось также в некоторых других обрядах и чинах, например в «Чине поновления князем и бояром, которые грады держат и волости» (он есть в служебнике первой половины XVII в., Соф. 868, и нек. др.). А на исповеди правительственным чиновникам предлагалось покаяться в том, что «. . . волости и грады держак ѡт гсѣра и судихъ неправо по мздѣ и по посулѣ праваго в вѣни доспѣхъ а виноватаго правымъ доспѣх. . . невинных на казнь и на смръть выдахъ. . . и бгатьства насильством и кривым сѣдомъ и неправдою

⁷ Исторические события еще шире отразились в «сенаниках» Софийского собора. В старейшем из них — 1559 г. (Соф. 1058) — имеется подробный перечень «новых еретиков» новгородских, имена всех русских митрополитов, удельных и московских великих князей, иногда с некоторыми подробностями их жизни и смерти (про Андрея Боголюбского, например, сказано, что он умер «ноужною смртю ѡт своих домочадець» — л. 30). Особенно же велики по объему и подробны «вечные памяти», «иже нѣкогда блгочестивым и великимъ княземъ и ихъ холубивомѣ (так!) воинствѣ поборавшимъ. . . противу безбожныхъ и нечестивыхъ агарьскихъ цреп нашествия — Батыа и Мамаа и Тактамыша» (л. 39), с указанием мест битв — «на Рязани» (л. 41), «на Вожи» (л. 40 об.) и под Казанью. Поминаются также «в горюдкѣ Алексинѣ изгорѣвшие» (л. 42), пострадавшие «ѡт Литвы ѡт нечестиваго Ѡлгерда и на реки на Ведроши и под Орьшею» (л. 44 об.), «избиенные на рецѣ Ѡки в прихожене. . . крымскаго црѣ Магмет Кирѣа», погибшие на Свяге и в Стародубе, пострадавшие «в находжене. . . црѣ крымскаго Девлетъ Кирѣа» (л. 46—52). После этого идут «вечные памяти» «въ плѣнене земли Свѣиской пострадавшимъ под градом Выбором и по загоном» и погибшим в Ливонской войне с краткой исторической справкой о последней. Многочисленные приписки и пометы на этом сенанике свидетельствуют об эволюции, а иногда и об исполнении его текста. На полях есть кинварные пометы «Взглас велии» (л. 33 об., около имени Василия III, которым заканчиваются «вечные памяти» великим князьям и царям), «Клич» (л. 38 об., около имени «Елены королевы», вероятно, Глинской). «Послѣ сего чти ѡ новгородцком смртности прекинѣвъ листь едип гдѣ крѣа чертъ», — указывает писец на л. 51 об.; «Зри гдѣ крѣа киноварель в крѣа тамъ сѣа и чти двѣ статьи после повѣтреа», — отмечает он же на следующей странице. Некоторые приписки относятся к исполнению сенаника во Пскове: «Зри аще ли в Пьсковѣ ино глти. . .»; «Зри аще бѣдетъ в Пьсковѣ ино рещи сиче» (л. 62 об.). Наконец, много на этой рукописи и позднейших редакторских скорописных помет: «Здѣ написат статья два листа перекинув Шеину да Коробову» (л. 44), «Перенестъ наперед» (л. 46), «Ся статья перенестъ назад ѡткинув три листа» (л. 48) и др.

стажаж и прищбритох. . . и свою челаѡ насилствомъ и неправдою казнихъ и наготою и гладомъ и босотою озлобихъ» (Соф. 971, л. 126 об.—127). Приведенная тирада прерывается эмоциональными восклицаниями: «ѡ мнѣ гришномѡ», «ѡ горе мнѣ грѣшному», «како мене земля не пожрет за моѡ ѡкашныѡ грѣхи». Так в «чинную», книжную речь церковного обряда врывается живое, разговорное слово.

В чине исповеди, обязательном для каждого требника, но часто попадающемся и в служебниках, кроме живой, подчас просторечной лексики, отражены многие черты быта наших далеких предков. У исповедующейся полагалось, например, спрашивать: «Аци молиласта еси болваномъ вилам и родѡ ї рожемницам ї Ероунѡ ї Хорсѡ ї Мокопи пила и ела» (служебник нач. XVI в., Соф. 667, л. 238 об.)⁸. А в помянниках часто попадаются перечисления «бытовых травм», вероятно, распространенных среди населения. Полагалось молиться за «мразомъ измершыхъ млъненію ѡпаленыхъ и громомъ избіеных. . . и в водѣ оутопающихъ и ѡт звѣрей и ѡт гадъ посползоущыхъ изъеденыхъ съ дрѣва спадшыхъ коусомъ подавившыхъса» (Соф. 678, л. 55 и мн. др.).

Особенно много элементов просторечия находится, естественно, не в основных текстах богослужебных книг, а в приписках, записях и пометах на них, в частности, в пометах, связанных с исполнением богослужебных текстов. «Отворь дверь» — помечено на нижнем поле служебника XV в. (Соф. 533, л. 21), а речь идет о «царских вратах». «Возми кадильницу да покади дары да руки верхъ» — предлагается в соответствующем месте того же служебника (л. 60 об.). И так на многих еще листах этой рукописи.

Попадаютъ ремарки и более пространные. Такими ремарками изобилует, например, служебник второй половины XVI в. (Соф. 836), отличающийся вообще обилием дополнений. В нем есть, например, молитвы «волоу на закѡленіе», «жать идоучи на щеле», «егда хѡтать въ корабли плѣти», «на воиноу идоущимъ», «над кровью мнѡгоу текѡще из носа», наконец, звучащая как заговор «Млтва

⁸ В служебнике Соф. 722 в чине исповеди предлагается покаяться и в том, что «всако живѡтно похѡлиз и тварь бжію или вѣдро или дождь или мразъ или снѣгъ или боурю или брашно или питіе» (л. 126).

от змии 8грызенноу напиши ю на водѣ а любо на хлѣбѣ и даи изыасти оугрызенном8 болныи исцѣлееть а змиа оумрѣт» (л. 223—229).

Интересны приписки, не связанные с текстом. «Господине отче яким писмом писаты ци таким ци такимъ ци малым», — вопрошает писец на первом листе служебника середины XVI в. (Соф. 838); три последних словосочетания написаны буквами различного размера. Писец пробует зеленую краску, которой, наряду с киноварью, написаны некоторые заголовки: «Попытаы пера ци добро»⁹, а ниже трижды называет, вероятно, себя: «Помени гди раба своего Феодора». На этой же странице скорописная помета XVII в.: «Сия книга глемяя служебникъ Егоревского Озеревьского погоста», кратко излагающая пространную вкладную запись-скрепу по л. 1—29: «Положил сию книг8 глаголем8ю сл8жебникъ да ризы да стихар да кадило меданое да укропникъ меданои же в дом Николы Чюдотворц8 на Озереве Тимоѳеи Надежин снѣ К8любакинѣ. . . (далее следует обычная просьба о помине души). . . а потписал я Тимоѳеи самъ своею р8кою лѣта 3Р3Г 20 году»¹⁰. Запись по л. 30—40 уточняет местонахождение книги: «Сеи сл8жебникъ Бѣжецкие пятины Белозерские половины Озеревского погоста».

Приписки и пометы писцов и как правило более пространные записи владельцев содержат иногда богатый материал для исследователей просторечия и диалектизмов, а также сведения об интересных с исторической точки зрения событиях жизни их авторов.

⁹ Приписки — пробы пера очень часто попадают на книгах Софийской библиотеки начиная с самых древних: «Покушаю пера и чернила добро ли» (Соф. 188, XII в., л. 1); «Попытаю пера и бумаги и чернил не дрожит ли рѣка» (Соф. 822, л. 1); «Попытаю пера и кеноварю добро» (Соф. 781, л. 196) и многие другие подобные или более пространные, например: «Попытаю пера и чернила чернило добро и бумага добра да починити пера негда много ино все боудет хорошо» (Соф. 190).

¹⁰ Рукою Кулюбакина сделаны еще владельческая запись на л. 110—111 и несколько помет: «Стоит град а пѣти к нѣму нет» (Соф. 838, л. 140), «Свет великѣ а жит стало негдѣ» (л. 141) и др. Если первая из этих помет содержит довольно распространенный в рукописях текст (полностью он есть на служебнике первой половины XVI в.: «Стоит град на пути а пѣти к нем8 нѣсть пришел ко град8 посол нѣмъ принеи грамоту неписану» — Соф. 837, л. 387), то вторая, очевидно, отражает какие-то обстоятельства жизни ее автора.

Приведем два примера из рукописи первой половины XVII в. (Соф. 910).

«РМГ октября в И день пришла вода морская с вѣтром в ноч стояла судки на островах у хрстын в кучах подмочило о груди члку і сена в загородах а у мора сѣна все снесло в Пудежемском ѳстыи карабль на пожнѳ збило».

«РПГ году июня въ Д на десят днь какъ тогда Лока (?) да Ива[н] Марковъ да сын его Омелка насилно на меня находили и мя били и бранили всячески неподобно и матерны и сѣкиным сыном и за волосы волочили и в головѳ меня кѳлаками и обѳхом меня б. . .» (запись обрывается). И так поступили скорее всего с духовным лицом, так как записи эти — на служебнике «Колмогорской десятины Мезенского ѳѳзда цркви Николая чудотворца».

Традиционные формулы заклятья и угроз похитителям книг на некоторых книгах Софийской библиотеки часто также принимают форму бытовой речи, пестрят диалектизмами. Приведем несколько примеров.

«Сиа книга глгмаи слѳжебник Николы чудотворца с Поль каземнаи црковнаи нет да нево дела ни бояром ни крестѳнаи тои книги ни продат ни в чем не заложит а потписывана сия книга служебник лѳта 323 годѳ мца декабря в S день» (Соф. 743, л. 36 об.); «Сия книга глглемаи слѳжебник цркви Успения престѳя бцы на Кѳнье горе не мошно в тую книгѳ никому вкѳпатце, а будет хто станет вкляпыватцы и томѳ судит бгѳ» (Соф. 941, л. 140). И уж совсем просто, не «по-книжному» высказался владелец служебника Соф. 732: «А хто сию кнгу ѳкрадет і ѳ того рука отпадет сверх того ѳслепнет і дши пагуба»¹¹. Последняя запись похожа на заговор, ее можно считать фольклорной, родственной тем, сравнительно редким, записям, в которых попадаются притчи, загадки (например, про петуха: «Которыи пророкъ дважды [родился] а ни единыжды не крестился а всемѳ мирѳ провѳдникѳ (так!) явился» — Соф. 954 или: «Се яз тот и тот а не ведаю хто, не ведаю ѳткуль не црѳ гдрѳ и великий кнзѳзь» — Соф. 816 и нек. др.).

---

¹¹ Однако не все владельцы книг были так суровы. «А хто сию кнѳ украдет и возвратит на воспят и ѳтдасть сию кнѳ и вы гдиы мои и браты кнѳу ѳ него возьмите а пени ему ѳтдаите», — записал в 1575 г. игумен Сергей, жертвуя книгу в Нередицкий монастырь (Соф. 783, л. 4—5 об.).

Больше всего записей относится к судьбе книг — об их купле-продаже, вкладах; кроме элементов бытовой лексики, эти записи дают обильный материал по истории и статистике книги. Из них можно узнать цены на различные книги в разные времена и разных местах, некоторые наиболее типичные случаи продажи и вклада книг. Так, например, церковная книга могла, вероятно, отчуждаться лишь с согласия церковного старосты и прихожан, как сказано в одной записи 1650 г.: «Продал сию книгу служебникъ Успенского Илѣмѣнскаго погоста Тимофеи попъ Петров по повелению Федосея Артемьевича Пушина и волосныхъ людей на погостъ на Мучцо (?) . . . а денги взял я попъ Тимофеи 8. . . Моисея. . . с товарищи тридцат алтын а подписал своею рукою по волосныхъ людей лѣта 7390 году ноября въ 01 день (Соф. 801, л. 15—37). Однако это иногда не мешало распорядиться книгой и по своему усмотрению. Так, например, «служебникъ Пиркинскаго погоста церкви Рождества» имеет на себе две записи о «закладении» ее попомъ Федоромъ Спиркинымъ одинъ разъ в десяти, а другой — в двенадцати алтынахъ (Соф. 1014)¹².

Более свободно обращалась, естественно, книга, бывшая в частном владении. И здесь важно отметить, что в роли продавцов, покупателей и вкладчиков часто выступают лица, к духовному званию не относящиеся. Вот несколько примеров.

«Се изъ попъ Макарей Радивоновъ снъ продалъ сию книгъ рекомы служебникъ блговеценскомъ старосты Шираю Ивановъ сну а подписалъ своею ркою а взял полтинъ московскую» (Соф. 658, л. 3 об.—7). Непосредственно за этой записью-скрепой идет другая: «Продалъ сию книгу служебникъ лутцкои пушкаръ Нехорошко Ивановъ снъ Козакова на Невле Преображенскому попу Костентину

---

¹² Записи о «закладе» книгъ попадаются неоднократно, причем не только от имени духовныхъ лицъ. Так, например, про одинъ служебникъ сказано, что онъ былъ «купленъ у владычня у чорного священника с Сѣней (т. е. церкви «на сеняхъ» палат новгородскаго архиепископа) у Вастьяна а прозвище у Галицы а у него былъ в закладе тотъ служебникъ Посника Степанова сна книжника а далъ двенадцат алтынъ лета 7390» (Соф. 712, л. 113—126). В другой записи на той же книге в необычной роли переплетчика-вкладчика выступает священникъ: «Переплелъ сию книгъ служебникъ к великомчнкъ Минѣ знаменскои попъ Мина по своимъ родителямъ» (л. 38 об. — 43).

а подписал сию книгѸ дьяком» (л. 7 об.—13)¹³. На другом служебнике (Соф. 866) такая цепь записей-скреп: «СлѸжебникъ попа Василья Василева сна Сердовольского погоста с выставки с острова ѿт Ильи прока (так!) а купиѸ немчина а дал рѸбль московской лѣта $\neq$ 3 сто КС годѸ» (л. 1—42); «ПродаѸ сию книгу служебникъ Луки попа а послала продаѸ сестра его ѲедосѸ а продаѸ Василеі Никиѳоров сна дьяконов Веницкога погоста попу Викулу Павлову а взял четырнадцат алтын лѣта $\neq$ ЗРЛО году» (л. 46—63). Однако в конце XVII в., очевидно, в целях борьбы со старообрядчеством, богослужебная книга у мирских людей стала изыматься, как об этом свидетельствует такая, например, запись: «СлѸжебникъ вынятоі у посадцкого члвка Ѹ ЕвтѸшки ЕвтѸѳѸва сна у мѣдника и допросъ о том был в митрополичь дхвном приказе іюня въ И день РЧВ году» (Соф. 730)¹⁴.

Другим характерным для XVII в. и более значимым для истории русской книги фактом является переписка с печатных книг, так как тиражей последних явно не хватало. Об этом свидетельствуют такие, например, приписки и записи: «Сиа книга попа АкимѸ ГригорѸева сна попова кѸрополца писана с печати слово въ слово» (Соф. 1021, л. I об.). А иногда не вся книга целиком, а лишь отдельные ее части помечались: «Писано с печати с московския» (Соф. 1022, л. V и др.).

Очень часто книга передавалась в монастырь или в приходскую церковь после смерти ее владельца на помин души. Приведем в пример такую запись-скрепу: «Млти дла Хва воскресѸна попада Івана Никитина сна КатѸрина Фомина доч положила сию книгѸ в домъ ХвѸ воскресѸнию по мѸжѸ своемъ погѸ Іване Никитине сне и по своих родителей» (Соф. 617, л. 6—12; запись датирована 1592 г.). Аналогичную вкладную сделала «по Никитцкомъ свѸщнику по МатѳеѸ вдовата попада ПелагѸа» в 1608 г. в церковь «на Дворищах на Михаилову Ѹлицу» (Соф. 680, л. 4—5, 8). Попадаютъ записи и о продаже служебников «вдо-

¹³ О присутствии в Новгороде в XVII в. казаков-пушкарей свидетельствует и вкладная запись на служебнике Соф. 710, которую сделал «новгородской казак Петр Иванов сын Пушкарев» в 1658 г.

¹⁴ Рукописная книга «сыскивалась» и изымалась в то время и из церквей: «РЧВ го годѸ . . . сиі служебникъ сыскан і взят Пудожского погоста ото Озерской влсти у Иливского попа Самсона Аристархова» (Соф. 571).

выми попами», которым в старину запрещалось служить в церкви. Все эти факты отражают многие особенности быта белого, преимущественно сельского, духовенства; богослужбная книга настолько широко входила в этот быт, что часто использовалась и для хозяйственных дневниковых записей, а иногда и для воспоминаний.

Так, например, на внутренней стороне переплета служебника первой половины XVI в. (Соф. 1019) есть такие записи: «Стал Микиѡоръ в діаконы онаго лѣта 3 седмаго а свершил митрополит Симонъ попомъ к великомѸ ІѡаннѸ прѣчи на КѸивоши лѣта 3 четвертаго на десѡтѸ». Под 1520 г. уже другим почерком записано: «Преставилсѡ сщенноіерѣи Никиѡоръ служител . . . Іѡанна Прѣтчи . . . с Куивоши». А Елизарище Яковлев, называющий себя то «Фроловским», то «Ильинским» попом, испещрил свой служебник записями вроде следующей: «Хто воровал а мы тебѸ за вора не стоим невод изризаль а мы того не вѣдаем» (Соф. 888, л. 48). На служебнике Соф. 639 отмечено, что «Гаврила ЛѸкияновъ взял приданое все 8 попа Ѳилипа при стороннѣхъ людех. . .» (следует перечень шести свидетелей). Наконец, изредка на книгах делались записи и низшими причетниками, подчас не очень грамотными: «Батько Ѣфонасеи Борисовичъ завѣтрѸо (так!) к Ывану ТимоѡевичѸ кутѸ съватит (Соф. 545, на обороте переплета).

Что же касается отражения в богослужбной книге жизни простых людей — ремесленников и крестьян, то его наблюдаем преимущественно во вкладных записях. Эти вкладчики редко имели возможность заказать книгу — дешевле было купить в одной церкви или монастыре старую подержанную книгу и пожертвовать ее в другую; покупали иногда и в складчину. Так, два Октоиха XV в. были пожертвованы — первый в 1643 г. «Львом Михайловым сыном колачником» в Верендовский монастырь (Соф. 145), а второй — в 1646 г. пожертвовал в церковь «Корнилеи Еремеевъ снѸ сапожникъ» (Соф. 146). Для вклада продал в 1614 г. триодъ постную «черной пол Хутыня мнстря Сергіи ЕремѸю ЛѸкиянову сну хрстьянену 8жинскому» (Соф. 98, л. 153—155).

Иногда указывалось, что книга куплена не за деньги, а за нее уплачено «натурой», или для полноты вклада к ней прилагалось еще что-нибудь. «Положили сию книгу слѸжебникъ в домъ живоначальной Троицы в Рагожи

мистръ прихожене трцкие. а кѣпили оу попа оу Дмитреа на троицкѣю на сноповѣю рож» (Соф. 1030, л. 2—16). Некий «Сѣртюшка Федосевъ» во вкладной на богослужбном сборнике записал: «А к сеі книги придал. . . свою домоощенную нетел і всего моего вкладу за два рубля» (Соф. 162, л. 18—27). Еще одна, весьма пространная запись 1610 г.: «Купили сию книгу Треот постнѣю в дом чюдотворцѣ Николе Медвѣцкого погоста крстьяне Алексѣи Сѣндрѣев снѣ Клыкѣ дал полтинѣ Василен Григорев снѣ Русинов дал полтину Сѣонасеи Андрѣев снѣ Улан дал полтину Конан Исаиков снѣ дал Е ал [тын] Данила Сѣндыѣоров снѣ дал гривнѣ московскѣю Пимин Еорѣмов снѣ дал С ал [тын] Д де [нѣги] Маря кѣзнечиха дала гривнѣ московскѣю. . .» Далее названо еще пять имен с указанием доли вклада и подведен итог: «А всѣх денег дали за книгу В рубли И ал[тын] В де[нѣги]» (Соф. 95, л. II об.).

Наконец, еще один пример книжного вклада, оплаченного не деньгами и не «натурой», а самим трудом: «Пожаловати сие мое Нестерово поминание прочитати за мою работу что я без наиму сїі служебник переплелъ» (Соф. 553, л. 2).

В заключение следует отметить, что в служебниках изредка попадаются и обрывки документов, а также частных писем; они использовались обычно для подклейки переплетов, а иногда и в качестве закладок. Так, например, переплет служебника Соф. 607 подклеен письмами конца XVII — начала XVIII в. «Демьянки Апрелева» к «Софрону Стефановичу» и «от Стеньки» к его брату с просьбой купить и прислать ему рыбы. А в служебник Соф. 688 вложен отрывок челобитной 1647 г. монастырского крестьянина Геласия Парфенова на двух крестьян за то, что «похваляютца онѣ меня бити и убити и находили на меня. . . Геласия с вилми а дела и собою не ведаю».

Таковы некоторые из приписок, записей и помет на богослужбных рукописных книгах, преимущественно служебниках, Софийской библиотеки. Если только одни служебники дают столько примеров разговорного языка, то еще более их наберется при обследовании остальных, да еще внецерковных книг той же библиотеки.

Однако это тема особой статьи или цикла статей, которые могут быть написаны, когда будет закончен и издан полный каталог старейшей русской библиотеки.